

Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: формирование антропологической концепции права

Павлов В. И.

Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

E-mail: vadim.i.pavlov@yandex.by

Аннотация

Введение. Современная общеправовая теория характеризуется формированием постклассических правовых теорий и концепций, которые сосуществуют в одном исследовательском поле с традиционными, классическими познавательными подходами к праву. Познание истоков формирования и сути постклассических подходов к праву является актуальной задачей современного общетеоретического правоведения.

Методология и материалы. Цель статьи — уяснение предпосылок формирования и сути постклассической юриспруденции как направления современного юридического знания. Также в работе исследуются постклассическая антропология права и формирующиеся в ее рамках концепции. При подготовке статьи использовались диалектический, дискурс-аналитический, сравнительно-правовой методы, метод типологии этапов научной рациональности, анализ и синтез.

Результаты исследования и их обсуждение. Обосновывается, что постсоветская общетеоретическая юриспруденция представляет собой самостоятельную формацию знания. Ключевым для нее является принцип методологического плюрализма, допускающий сосуществование различных языков правового познания. Его актуальность обусловлена, с одной стороны, кризисом западной новоевропейской методологии, а с другой — возможностью исследования собственных правовых традиций.

Выводы. Доказывается, что постклассическое правоведение основывается на постнеклассической научной рациональности и критически переосмысляет классическую модель субъекта права. В рамках «антропологического поворота» предлагается новая антрополого-правовая концепция. Она фокусируется на личности в праве, ее свойствах и отличии от формально-догматических элементов, что открывает новые возможности для разрешения антропоориентированных правовых проблем.

Ключевые слова: постклассическая юриспруденция, классическая юриспруденция, методология права, правопонимание, антропология права, человек в праве, субъект права, личность в праве.

Для цитирования: Павлов В. И. Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: формирование антропологической концепции // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 41–54. EDN: GZPFZJ

Postclassical Jurisprudence in Contemporary Legal Theory: The Formation of an Anthropological Concept of Law

Pavlov V. I.

National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)
E-mail: vadim.i.pavlov@yandex.by

Abstract

Introduction. Modern general legal theory is characterized by the formation of post-classical legal theories and concepts, which coexist in the same research field with traditional, classical cognitive approaches to law. Understanding the origins and essence of post-classical approaches to law is a relevant task for contemporary general theoretical jurisprudence.

Methodology and materials. The aim of the article is to clarify the prerequisites for the formation and the essence of post-classical jurisprudence as a direction of modern legal knowledge. The work also explores post-classical legal anthropology and the concepts developing within its framework. The preparation of the article employed dialectical discourse-analytical, comparative legal methods, the method of typologizing stages of scientific rationality, analysis and synthesis.

Research results and discussion. It is substantiated that post-Soviet general theoretical jurisprudence represents an independent formation of knowledge. Its key principle is methodological pluralism, which allows for the coexistence of different languages of legal cognition. Its relevance is determined, on the one hand, by the crisis of Western modern European methodology, and on the other hand, by the possibility of researching indigenous legal traditions.

Conclusions. It is proven that post-classical jurisprudence is based on post-non-classical scientific rationality and critically rethinks the classical model of the legal subject. Within the framework of the “anthropological turn,” a new anthropological-legal concept is proposed. It focuses on the person in law, their attributes, and their distinction from formal-dogmatic elements, which opens up new possibilities for resolving anthro-po-oriented legal problems.

Keywords: postclassical jurisprudence, classical jurisprudence, methodology of law, legal understanding, anthropology of law, man in law, subject of law, personality in law.

For citation: Pavlov, V. I. Postclassical Jurisprudence in Contemporary Legal Theory: The Formation of an Anthropological Concept of Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 41–54. (In Russ.)

Введение

Уровень развития общеправовой теории является индикатором состояния качества правового регулирования. Общеетеоретическое осмысление развития права позволяет обобщать актуальные тенденции формирования отраслевого юридического знания и праворегулирующей практики, формулировать базовые юридические понятия и категории, разрабатывать на их основе теории и другие познавательные модели, осуществлять прогноз развития права в будущем. В этом смысле общеетеоретическое юридическое знание отвечает за формирование национальной правовой школы, представляющей совокупность разработанных в рамках национального правопорядка либо в рамках осмысливающей себя в качестве единой правовой традиции правовых концепций, позволяющих решать задачи правового развития. С данных позиций полагаем обоснованным вести речь о *постсоветском*, либо *русскоязычном*, *общеетеоретическом правоведении* как самостоятельной формации развития юридического знания.

Несмотря на то что в постсоветском общетеоретическом правоведении может делаться акцент на общности мирового юридического знания, тем не менее культурно-историческая специфика и правовое наследие, на базе которого происходит становление современных русскоязычных научных исследований (прежде всего, российских и белорусских), проявляется достаточно четко. Выделение современного русскоязычного правоведения в особую формацию знания связано с рядом факторов. *Во-первых*, с инерционным влиянием советской юриспруденции, «отталкиваясь» от которой, следуя которой, на основе либо в оппозиции которой во многом и формируется методология современных правовых исследований. *Во-вторых*, с языком, и шире — устоявшимся в юридической практике, а во многом и наследуемым в правовой теории понятийно-категориальным аппаратом, который выполняет функцию языковой автономизации русскоязычного юридического дискурса, несмотря на сильное кросскультурное взаимодействие в современной науке. *В-третьих*, с культурно-исторической и геополитической ситуацией, которая обуславливает разработку суверенно ориентированной науки, либо, по крайней мере, вынуждает исследователей делать акцент на вопросах политики права при разработке правовых концепций. Влияние культурно-исторических и геополитических факторов на ландшафт русскоязычного юридического дискурса не означает его политизацию, но предполагает учет и усиленную рефлексию относительного «общих мест» в классической (новоевропейской) правовой теории и исходных методологических посылах ее построения. *В-четвертых*, вытекающее из предыдущего фактора методологическое «обращение на себя», в глубину своей правовой традиции в поисках оснований построения правового дискурса на базе реактуализированных, по-новому прочитанных правовых смыслов досоветского и более ранних периодов развития отечественной юридической мысли.

Многие вопросы, касающиеся верного уяснения формирования методологии отечественной юриспруденции, непосредственно связаны с пониманием влияния на современную общетеоретическую науку о праве охарактеризованных выше факторов. Это относится в том числе и к феномену *постклассической юридической науки* в русскоязычном юридическом знании, а также к формированию такого ее направления, как *постклассическая антропология права*.

Методология и материалы

Цель статьи — уяснение предпосылок формирования и сути постклассической юриспруденции как направления современного юридического знания. В качестве отдельной предметной составляющей проводимого исследования рассматривается постклассическая антропология права и формирующиеся в ее рамках концепции. При подготовке статьи использовались как традиционные, так и неклассические методы научного познания: диалектический, дискурс-аналитический, типологизация форм научной рациональности, анализ и синтез, а также сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Становление принципа методологического плюрализма

Постсоветская правовая теория практически в самом начале своего формирования столкнулась с необходимостью утверждения *методологического плюрализма*¹ как общепризнанного в эпистемологии правовой науки принципа. Господствующая в советской юриспруденции идея методологического монизма характеризовалась как кризисная уже на исходе советского правоведения², что проявлялось

¹ Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. С. 256–261. EDN: JDVVEB; Фролова Е. А. Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 17–32. EDN: XXBUPE; Честнов И. Л. Юридическая наука в ожидании перемен // Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 6–15. EDN: QSSDIV

² Мамут Л. С. Сверим ориентиры: наука о государстве и праве нуждается в радикальном обновлении // Пульс реформ. Юристы и политики размышляют. М., 1989. С. 89–108.

в неспособности в рамках только одной правовой концепции (советского юридического позитивизма) объяснить новые явления государственно-правовой действительности и в целом всю палитру правовой жизни. В отличие от методологического монизма, принцип методологического плюрализма предполагает в правовом познании такую исходную эпистемологическую установку, согласно которой для эффективного развития юридической науки конструктивную роль играет наличие не одной, а нескольких конкурирующих правовых теорий, которые, будучи дисциплинарно целостными и аргументированными, выступают относительно друг друга в качестве взаимодополнительных. Утверждение методологического плюрализма в правовом познании не означает релятивизации знания о праве, указания на его относительность, но имеет цель изучить объект с различных «углов зрения», представить его в максимально возможных аспектах.

Несмотря на очевидную продуктивность методологического плюрализма, в постсоветском правоведении встречаются позиции, связанные с защитой методологического монизма и поиском единственно верной методологии общетеоретической юриспруденции. Как правило, сторонники этой точки зрения принадлежат к различным версиям юридического позитивизма³. Н. Н. Тарасов в связи с этим еще в начале 2000-х гг. обращал внимание на то, что «развившаяся традиция юридических исследований в рамках монистической, закрытой философско-методологической системы во многом предопределила второе следствие — распространяющееся сегодня стремление к замене марксистской методологии другой, но не менее универсальной и всеобщей»⁴. Аргументация сторонников методологического монизма заслуживает внимания в том смысле, что формирование современной отечественной общетеоретической юриспруденции характеризуется неопределенностью практически на всех уровнях правовой эпистемологии. Приходится пересматривать сложившиеся и привычные общетеоретические понятия и категории советского, а в некоторых случаях и дореволюционного периода, разбираться в новых течениях методологии науки и «снабжающих» ее новых философских концепциях, переосмысливать критерии эффективности действия конкретных отраслевых институтов и т. д.

Как показывает опыт развития методологии социогуманитарных наук в XX в., этапы перехода в эволюции научного знания являются объективными, они необходимы для дальнейшего продвижения в познании, тем более, когда связаны с глобальными политико-правовыми изменениями. В этой связи большинство отечественных теоретиков и философов права, в том числе из тех, кто сформировались как исследователи в советский период, однозначно высказывается за плюралистичную методологическую позицию — позицию открытости по отношению к новым подходам в юриспруденции. В частности, такая точка зрения представлена в работах Г. В. Мальцева, В. В. Лазарева, В. Н. Синюкова, С. Г. Дробязко, В. Д. Зорькина и др. Очевидно, что утверждение принципа методологического плюрализма в современной общетеоретической юриспруденции требует привития определенной методологической культуры, различных форм институционализации юридического знания, что не в последнюю очередь связано со свободой научного творчества и соблюдением этоса научной коммуникации.

2. Постсоветская юриспруденция: новые методологические возможности

Ситуация формирования постсоветской юриспруденции содержит в себе и новые методологические возможности для развития правовой науки, уже упомянутые во введении. Они связаны с кризисными явлениями в западноевропейском социогуманитарном знании, в том числе и с кризисом в политико-правовой сфере. В этой связи еще Г. Дж. Берман указывал на факт «<...> беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша [западная. — В.П.] традиция права — не только так называемые либеральные концепции последних

³ Сырых В. М. Материалистическая философия публичного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 573 с. EDN: UYSZVL; Толстик В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 13–21. EDN: UZTIMF

⁴ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2001. С. 53. EDN: IZFRZL

нескольких столетий, но и сама структура западного правового порядка, корни которого находятся в XI и XII вв.»⁵

В современной юридической литературе неоднократно указывалось на кризисное состояние современной западной политико-правовой мысли⁶. Правовые и социально-политические проблемы, вызванные кризисом идентичности, проблемой мультикультурализма и связанной с ней проблемой мигрантов, кризисом принципа светскости, политизацией учения о правах человека, «сломом» традиционных нравственных представлений, находящихся под правовой защитой, дают основания более внимательно проанализировать классические, новоевропейские политико-правовые концепции, выступившие ценностно-правовой основой западной цивилизации. А. Н. Медушевский, связывая кризис западного права с процессами глобализации, указывает на его проявления «практически во всех значимых областях жизни: разрушении исторически сложившейся системы международного права; растущем конфликте международного и национального права и деформации последнего под влиянием интеграционных процессов (размывание понятия суверенитета)... эрозии традиционной, культурной, религиозной и национальной идентичности в современной Европе, проблемы которой оказывается трудно разрешить в рамках прежней демократической легитимности и доктрины прав человека»⁷. Исследователи также всё чаще указывают на конфронтацию западной традиции права с незападными правовыми культурами, ставят под сомнение универсальный характер многих западных правовых институтов. И. Л. Честнов, характеризуя влияние западной правовой идеологии на другие правовые порядки, отмечает ее мифологический характер: «в силу экспансии Европы эти мифоидеологемы <...> насаждаются всему остальному миру, выдаваясь за универсальные, единственно-пригодные естественно-правовые ценности<...>»⁸. М. Н. Марченко, характеризуя практику деятельности Европейского Суда по правам человека, указывал на политизацию деятельности этого органа, выход за рамки юстициальности, наличие проблем, связанных с независимостью и беспристрастностью судей, и т. д.⁹

Отечественный правовой порядок также не лишен проблем политико-правового и социального плана, однако они не связаны с кризисом фундаментальных оснований правовой жизни. Важно констатировать, что постсоветская юриспруденция в первое десятилетие своего развития строилась на основе новоевропейской правовой методологии, которая воспринималась некритично. В последние 10–15 лет отечественное юридическое сообщество начинает обращать внимание на недостатки и риски, которые содержат в себе правовые заимствования из современной западной традиции права, и одновременно исследовать собственные основания правового познания. Это нашло отражение в конституционных реформах, проведенных в Российской Федерации в 2020 г. и в Республике Беларусь в 2022 г., в рамках которых была усилена конституционно-правовая защита традиционных ценностей и иных аутентичных правовых элементов¹⁰. Нельзя не упомянуть о важнейших правовых актах программно-политического характера, принятых в последние годы в Беларуси и в России, в которых получили повышенную правовую защиту правовые ценности, прямо не вытекающие из текста конституций. В частности, это утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 Концепция правовой политики Республики Беларусь, а также Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ

⁵ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М-НОРМА, 1998. С. 48.

⁶ См. напр.: Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления: коллективная монография / Сост. и ред. А. А. Дорская, В. А. Косовская, Н. И. Алексеева. СПб.: Астерион, 2021. 580 с.

⁷ Медушевский А. Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен: материалы философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / Отв. ред. В. Г. Графский, М. М. Славин. М.: Институт государства и права РАН, 2008. С. 89. EDN: MEGKRF

⁸ Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 351–352.

⁹ Марченко М. Н. О юридической природе и характере решений Европейского Суда по правам человека // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 2. С. 9. EDN: WFLSDZ

¹⁰ Чуприс О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности // Право.by. 2022. № 2 (76). С. 5–13. EDN: HZSINA; Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 1. С. 7–24.

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

3. Типы научной рациональности и типология понимания права: постклассическое правопонимание

Социогуманитарный кризис западного мира, сопровождающийся негативными явлениями в сфере политико-правовой теории и практики, имеет конкретные культурно-исторические истоки и во многом связан с особенностями формирования методологии эпохи Нового времени¹¹. В эпистемологии он обозначается как *кризис классического типа рациональности* и рассматривается в контексте формирования иных типов рациональности — *неклассического и постнеклассического*¹². Основная разграничительная линия проходит между классическим и следующими за ним типами рациональности. Методологи науки главным отличительным признаком противопоставления классики неклассической и постнеклассической типам рациональности полагают *отсутствие в классическом типе фиксации субъектных установок и включение в познание в постклассическом типе рациональности ценностей человеческой размерности (человеко(раз)мерности) знания*¹³. Для правоведения, институционализировавшегося в рамках классического, буржуазного типа научной рациональности, принципиально важно отличать классику и те направления, которые формируются на отличных от нее основаниях.

В методологии правового познания имеются свои специальные категории, характеризующие право как многомерное явление в своих самых главных свойствах. Такой категорией является *тип правопонимания*, представляющий собой сформированную в рамках определенной правовой концепции теоретико-методологическую модель, отражающую главную идею права, его сущность, процесс правогенеза, признаки права и его социальное назначение. Тип правопонимания является структурой интеллектуального отражения правовой реальности¹⁴, он влияет на все стороны правового познания, явно или скрыто отражаясь на познании каждого элемента или характеристики правовой реальности.

Сопоставляя категории «тип научной рациональности» и «тип правопонимания», следует указать, что последняя как *внутриюридическое научное описание права* всегда соотнобразуется с определенным типом научной рациональности как с *более широким познавательным контекстом*. Тип научной рациональности представляет собой методологическую среду, в рамках которой развиваются все системы знания, в том числе юридическое.

Современная методологическая ситуация в общеправовой теории отличается тем, что в условиях методологического плюрализма исследователь может избрать методологию, разработанную в рамках любого типа научной рациональности. Указанная особенность свойственна именно юриспруденции как науке, основывающейся на методологических положениях буржуазной правовой теории, сформировавшейся в рамках классической рациональности. На этих положениях было основано большинство современных правопорядков. Кроме того, юриспруденция как наука, связанная с общеобязательным регулированием общественных отношений, является оправданно консервативной и изменяется только вследствие достаточной апробации новых теоретико-правовых подходов. Вместе с тем на современном этапе разработка теоретико-методологических основ общеправовой теории во многом связана именно с теми правовыми исследованиями, которые позволяют выявить недостатки концепций, разработанных на классическом этапе развития правовой науки.

¹¹ Гайденоко П. П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.): Формирование научных программ нового времени / Отв. ред. И. Д. Рожанский. АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1987. 447 с. EDN: QYALJJ

¹² Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 362.

¹³ Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 166, 171–173; Бабосов Е. М. Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2014. С. 147–148.

¹⁴ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: ИД СПбГУ, 2004. С. 181.

С учетом охарактеризованного различия типов научной рациональности в современной юриспруденции выработался собственный подход к этой типологии на основе использования вышеупомянутой категории «тип правопонимания». В соответствии с этим подходом принято выделять не три типа правопонимания, соответствующих трем типам научной рациональности, а два — *классический* и *постклассический*¹⁵. В связи с тем, что юридическая традиция в основном сформировалась на базе классических методологических концепций эпохи Нового времени, правовые концепции, которые основываются на иных методологических основаниях, принято относить к *постклассическим*, то есть разработанным в период, следующий за классической буржуазной политико-правовой эпохой. Необходимо признать верной оценку, согласно которой «<...> выделение классического и постклассического правопонимания имеет под собой фундаментальные социокультурные основания»¹⁶.

В рамках классического типа научной рациональности сформировались три классических типа правопонимания: юснатурализм, юридический позитивизм и социологическая юриспруденция. В связи с тем, что данные типы правопонимания принадлежат одной и той же — классической юридической формации, факт конкуренции этих направлений не свидетельствует о конфликте типов научной рациональности. Постклассические правовые концепции и включенные в них соответствующие типы правопонимания формируются в рамках неклассического или постнеклассического типов научной рациональности. В этих концепциях пересматриваются методологические подходы правового познания на основании использования постклассической методологии, а также предпринимается попытка представления и понимания правовой реальности с позиции другого, отличного от классического, методологического языка. Методологической основой постклассического правового мышления выступают философские концепции герменевтики, феноменологии, экзистенциализма, постструктурализма, антропологии и др., которые (либо отдельные элементы которых) адаптируются к целям правового познания¹⁷. Значительное место в формировании постклассических правовых концепций занимает идея человекомерности правовой реальности¹⁸.

В современной фундаментальной юриспруденции практически сформирован научный консенсус относительно существования постклассических правовых концепций, несмотря на то, что отдельные правоведы критикуют обоснованность их выделения в самостоятельную группу¹⁹. В. В. Лапаева признает выделение «постклассических типов правопонимания» на основании используемой ими неклассической теории познания и эпистемологии, ориентированной на неклассическую рациональность²⁰. Ю. А. Веденеев, подчеркивая объективность процесса формирования постклассических правовых концепций, усматривает причину их появления в кризисе классического, формально-догматического юридического знания²¹. Н. В. Разуваев отмечает, что «основной задачей, стоящей перед постклассической теорией права, является изучение тех механизмов, которые лежат в основе правового конструирования социальной реальности и совокупность которых образует право в его содержательном измерении»²².

К основным гносеологическим характеристикам постклассических правовых концепций относятся *конструктивность, контекстуальность, интерсубъективность, человекоцентричность* права,

¹⁵ Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетей, 2016. 688 с.

¹⁶ Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетей, 2016. С. 233–234.

¹⁷ См.: Деникина З. Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 230 с.

¹⁸ В современной эпистемологии человекомерность (человекокоразмерность) характеризуется в трех аспектах: понимание мира и всех его элементов как мира человека; понимание человека как меры, а не как исключительно рационального субъекта познания, что предполагает включение целей, ценностей (культурных, социальных и др.), личных качеств и чувств человека в предмет исследования; личностное осознание и освоение идеалов научной истины, включая принятие личной ответственности за следование этому идеалу и освоение ценностей наивысшего уровня. Понятие человекомерности снимает противоречие между объективным отражением реальности человека и субъективным ее конструированием. См.: Мелков Ю. А. Человекомерность постнеклассической науки: монография. К.: Издатель ПАРАПАН, 2014. С. 229–231.

¹⁹ См. напр.: Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Правоведение. 2004. № 1. С. 4–14. EDN: TKSQPL; Гревцов Ю. И. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Правоведение. 2007. № 5. С. 4–22. EDN: MUYNXX

²⁰ Лапаева В. В. Типы правопонимания. Правовая теория и практика: монография. М.: ПАП, 2012. С. 191, 218. EDN: RBBXMF

²¹ Веденеев Ю. А. Юриспруденция: конец или начало? // Lex Russica. 2014. № 9. С. 1019. EDN: TCRHYP

²² Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5. С. 57. EDN: VZVORL

всех правовых явлений и процессов²³. Данные характеристики представляют собой эпистемологические основания постклассических правовых концепций, постепенно они становятся составляющими современного правового познания.

Выделение классических и постклассических традиций правового познания не обуславливает их жесткого противопоставления. Формирование постклассических правовых концепций не связано с модой на инновации, но является реакцией на новые проблемы в современной правовой действительности, которые решаются в том числе с учетом накопленного юриспруденцией «методологического багажа».

4. «Антропологический поворот» и формирование антропологической концепции права

В начале 2000-х гг. в процессе формирования первых постклассических правовых концепций исследователи начали проявлять интерес к *антрополого-правовой проблематике*. Внимание правоведов к антропологии права²⁴ было обусловлено одной из важнейших составляющих кризиса классической рациональности — *проблемой человека и кризисом его классической модели*. Кризисные тенденции в западном социогуманитарном знании и в сфере политико-правовой теории и практике второй половины XX в. показали, что при формировании новоевропейского дискурса человека ввиду приоритета рационалистическо-эмпирических установок буржуазной науки не были учтены важные методологические положения. Их осмысление и включение в современную модель человека рассматривается как одна из важнейших задач не только в эпистемологии права, но и всех социогуманитарных наук.

В юриспруденции проблематика антропологического кризиса проявилась в том, что человек как правовая персона, согласно новоевропейским методологическим установкам, начал рассматриваться как формальная единица, рациональная субстанция, объективированная в нормативно вмененном комплексе прав и обязанностей. Формально-догматическая рационализация человека стала рассматриваться в качестве достаточного и единственного способа юридикации человеческой личности. Уже в начале 90-х гг. XX в. начали высказываться предложения о пересмотре такого подхода и необходимости исследовать человека в правовой реальности не только как субъекта права, а в более широком познавательном контексте²⁵. В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук с группой правоведов начали разрабатывать новое для русскоязычного правоведения направление — юридическую конфликтологию²⁶, в рамках которой делалась попытка перейти к недогматическому анализу человеческого юридически значимого действия в праве и сформировать альтернативную модель правового человека в рамках юридино-конфликтологических процедур — медиации, посредничества и т. д.

В правовых концепциях Нового времени, использовавших рационалистическую философско-методологическую концепцию человека, несмотря на ее общую гуманистическую направленность, человек представлялся как субъект по образцу рациональной субстанции, наделенной характеристиками «умной вещи» или «рациональной машины», которая выступает эталоном оценки реальности. В современном философском дискурсе такую методологическую традицию именуют классической метафизикой, тесно связанной с номотетическим методом познания²⁷.

Кризисные тенденции новоевропейской правовой методологии в части человеческого, личностного измерения права отмечались и в работах русских дореволюционных правоведов и правоведов эмиг-

²³ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 366–370.

²⁴ Под «антропологией права» автор статьи понимает современное направление фундаментальных правовых исследований, формируемое в рамках постклассической юриспруденции.

²⁵ Керимов Д. А. Будущее российского правоведения. Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. М.: Академия, 2007. С. 365–366.

²⁶ Юридическая конфликтология: В 3 ч. / РАН. Центр конфликтолог. исследований; А. Дмитриев, В. Кудрявцев, С. Кудрявцев. М.: ИНИОН, 1993. Ч. 1: Введение в общую теорию конфликтов. 211 с.; М., 1994. Ч. 2: Юридический конфликт: сферы и механизмы. 172 с.; М., 1995. Ч. 3: Юридический конфликт: процедуры разрешения. 158 с.

²⁷ Левин Г. Д. Номотетический и идиографический методы познания. Современный взгляд // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В. А. Лекторский; отв. секр. Е. О. Труфанова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 444–471.

рации первой четверти XX в.²⁸ Н. Н. Алексеев одним из первых начал связывать достижение правового идеала с совершенствованием правового деятеля, правовой личности, а не с совершенствованием правовых институтов, даже таких, как правовое государство²⁹. По мнению мыслителя, непонимание сути правового идеала «<...> лежало в основе столь свойственной новейшему западному человечеству веры в универсальную, всеспасающую и всеисцеляющую общественную миссию права»³⁰. Главный акцент на совершенствовании человека в праве делал П. И. Новгородцев, подвергнув критике и ограничению учение о правовом государстве и призывая к изучению правовой личности³¹.

Кризис классической модели субъекта стал предметом научного внимания на Западе с середины XX в. в связи с изменениями жизненно-практического плана. Постепенно становилось всё более очевидным, что рационально-механистическая модель субъекта, которая была предложена в качестве базовой в эпоху Нового времени, имеет серьезные методологические недостатки, прежде всего с позиции выражения в ней человекомерных, личностно-ценностных характеристик. В философии и методологии науки указанные изменения нашли отражение в феномене «антропологического поворота» как смены парадигмы научного мышления о человеке³². «Антропологический поворот» характеризуется: а) переходом от поиска окончательной формулировки сущности человека к анализу особого способа человеческого существования; б) переходом от анализа логико-нормативного опосредованного поведения к познанию конкретных практик существования; в) преодолением психофизиологической, рациональной, социальной и иных редукций в понимании человека³³. А. П. Огурцов, описывая методологическое значение «антропологического поворота» в XX в., отмечает, что он представлял собой «<...> поворот к новому философскому обоснованию гуманитарных и социальных наук, в котором<...> произошла радикальная смена методологического оснащения гуманитарных и социальных наук»³⁴. Важно отметить, что представители «антропологического поворота» делали акцент на понимании человека не сквозь субъективные переживания и психологизм, а посредством экспликации определенного *порядка ценностной структуры личности*³⁵.

Кризис классической модели субъекта повлиял и на существование человека в правовой действительности. В последние десятилетия это выразилось в появлении целого ряда проблем, связанных с идентификацией человека в праве и формированием *новых моделей правосубъектности* в связи с развитием новых поколений и видов прав человека, а также некоторыми другими проблемами. Особое влияние на развитие кризисных тенденций оказала легализация в большинстве западноевропейских правовых порядков антропологических практик, вступающих в конфликт с традиционной нравственностью и культурой, демонстрируя девиацию юридического понимания человека и его природы на основе классической модели субъекта права.

Наряду с проблемой соматических и репродуктивных прав человека в последние годы возникла еще одна проблема, связанная с концепцией субъекта права и традиционной моделью правосубъектности — *проблема цифровизации человека в праве и появления новых видов кибер- (цифровых), нейроправ*³⁶. Проблема цифровизации в своей предельной постановке выражается в риске цифровой трансформации человека, его

²⁸ Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / [Сочинение] П. Новгородцева. М.: Типография Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1909. 395 с.; Ильин И. А. О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С. 180–508; Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.

²⁹ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. С. 219–220.

³⁰ Там же. С. 220.

³¹ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. С. 529.

³² Марков Б. В. Антропологический поворот в философии XX века // Очерки социальной антропологии / отв. ред. В. В. Шаронов. СПб.: Петрополис, 1995. С. 18–29; Ростова Н. Н. Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 456. С. 93–98. EDN: MXLLIH

³³ Смирнов С. А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 32.

³⁴ Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. СПб.: Мирь, 2011. С. 259. EDN: QXCBMF

³⁵ Смирнов С. А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 28.

³⁶ Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1. EDN: OZGIAV; Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5–29.

мышления и деятельности. Воздействие на человека цифровых технологий и изменение человеческой природы под влиянием биомедицинской и генно-инженерной деятельности оказываются тесно взаимосвязанными друг с другом и, по сути, представляют собой единый процесс, который наиболее последовательно выражен в современной концепции *трансгуманизма*, проникающей и в сферу правового регулирования.

Охарактеризованные тенденции развития социальной практики, а также обусловленные ими изменения в методологии социогуманитарного знания применительно к познанию человека оказали влияние на зарождение и выделение в самостоятельную группу антрополого-правовых научных исследований, в рамках которых концептуализируется и *антропологическая концепция права*. Она позволяет открыть дополнительные формы отражения человека в праве наряду с традиционной субъектно-правовой моделью, выявить дополнительные методологические возможности и инструменты, позволяющие решать актуальные антропологические проблемы современности.

Выводы

Разработка антропологии права как постклассического направления исследований, обоснование в его рамках антрополого-правовой концепции связана с преодолением кризиса новоевропейской концепции субъекта права. Как следует из охарактеризованного проблемного поля формирования постклассической юриспруденции, историко-культурных предпосылок «антропологического поворота», а также задач антропологии права как направления общетеоретических правовых исследований, преодоление кризиса новоевропейской концепции субъекта права является достаточно серьезной задачей. Ее решение требует глубокого уровня методологической проработки, смены методологической оптики в части обоснования определенного нового взгляда на человека в праве, операционализации этого взгляда на языке приемлемых общеправовых понятий и категорий «среднего» уровня. По сути, речь идет о некоторой эпистемологической перенастройке всего познавательного антрополого-правового инструментария в рамках общеправовой теории. Охарактеризованные выше проблемы в основном являются проблемами антрополого-правового характера и требуют своего разрешения на новых методологических основаниях. В частности, вопрос о правосубъектности должен рассматриваться с позиции различия природы и личности человека, на основе новых подходов к пониманию юридически значимого акта, сознания, воли, ценности, путем вынесения на самостоятельный методологический уровень понятия личности в праве в ее отличии от понятия субъекта права, разделения формально-догматических и антрополого/личностно-правовых элементов права и т. д. Определенная работа по разрешению этих проблем уже проведена автором в рамках монографических исследований³⁷. Однако социокультурная ситуация и состояние методологии общеправовой теории в части решения проблем, связанных с человеком в праве, продолжают делать исследования антрополого-правовой проблематики актуальной задачей современного постклассического правоведения.

Список источников

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.
2. Бабосов Е. М. Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2014. С. 147–153.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М-НОРМА, 1998. 622 с.
4. Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. 328 с. EDN: JDVVEB

³⁷ Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 560 с.; Павлов В. И. Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение: монография. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2025. 622 с.

5. *Веденеев Ю. А.* Юриспруденция: конец или начало? // Lex Russica. 2014. № 9. С. 1009–1022. EDN: TCRHYP
6. *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.): формирование научных программ нового времени / Отв. ред. И. Д. Рожанский. АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1987. 447 с. EDN: QYALJJ
7. *Гревцов Ю. И.* О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 5 (268). С. 1–23. EDN: MUYNXX
8. *Деникина З. Д.* Неклассическая и постнеклассическая философия права: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 230 с. EDN: QRSFGH
9. *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 180–508.
10. *Керимов Д. А.* Будущее российского правоведения // Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. М.: Академия, 2007. С. 352–371.
11. *Ковлер А. И.* Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5–29. DOI: 10.12737/jrl.2022.125. EDN: DRKLNH
12. Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления: коллективная монография / Сост. и ред. А. А. Дорская, В. А. Косовская, Н. И. Алексеева. СПб.: Астерион, 2021. 580 с. DOI: 10.53115/9785001881216. EDN: TPASSC
13. *Лапаева В. В.* Типы правопонимания. Правовая теория и практика: монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с. EDN: RBVXMF
14. *Левин Г. Д.* Номотетический и идиографический методы познания. Современный взгляд // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В. А. Лекторский; отв. секр. Е. О. Труфанова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 444–471.
15. *Мамут Л. С.* Сверим ориентиры: наука о государстве и праве нуждается в радикальном обновлении // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М., 1989. С. 89–108.
16. *Марков Б. В.* Антропологический поворот в философии XX века // Очерки социальной антропологии / отв. ред. В. В. Шаронов. СПб.: Петрополис, 1995. С. 18–29.
17. *Марченко М. Н.* О юридической природе и характере решений Европейского Суда по правам человека // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 2. С. 5–22. EDN: WFLSDZ
18. *Медушевский А. Н.* Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен: материалы философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца; отв. ред. В. Г. Графский, М. М. Славин. М.: Институт гос. и права РАН, 2008. С. 89–112. EDN: MEGKRF
19. *Мелков Ю. А.* Человекомерность постнеклассической науки: монография. К.: Издатель ПАРАПАН, 2014. 254 с.
20. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания / [Сочинение] П. Новгородцева. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1909. 395 с.
21. *Новгородцев П. И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. С. 505–574.
22. *Огурцов А. П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. СПб.: Мирь, 2011. 336 с. EDN: QXCBMF
23. *Павлов В. И.* Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение: монография // Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2025. 622 с.
24. *Павлов В. И.* Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 560 с.
25. *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: ИД СПбГУ, 2004. 864 с.
26. Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.

27. Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 48–98. EDN: VZVORL
28. Ростова Н. Н. Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 456. С. 93–98. DOI: 10.17223/15617793/456/10. EDN: MXLLIH
29. Смирнов С. А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 23–35.
30. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
31. Сырых В. М. Материалистическая философия публичного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 573 с. EDN: UYSZVL
32. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2001. 263 с. EDN: IZFRZL
33. Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 218–294.
34. Толстик В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 13–21. EDN: UZTIMF
35. Фролова Е. А. Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 17–32. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.3.17-32. EDN: XXBUPE
36. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1. EDN: OZGIAV
37. Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 1(252). С. 4–14. EDN: TKSQPL
38. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с. EDN: QSSDIV
39. Честнов И. Л. Постклассическая диалогическая онтология права // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 60–162.
40. Честнов И. Л. Юридическая наука в ожидании перемен // Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 6–15. EDN: LBSDLF
41. Чуприс О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности // Право.by. 2022. № 2 (76). С. 5–13. EDN: HZSINA
42. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с. EDN: RAYUYT
43. Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного закона // Государство и право. 2020. № 1. С. 7–24.

Об авторе:

Павлов Вадим Иванович, ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь), кандидат юридических наук, профессор; e-mail: vadim.i.pavlov@yandex.by
 ORCID: 0000-0002-2867-1039
 SPIN-код: 9630-5550

References

1. Alekseev, N. N. (1999) Fundamentals of the philosophy of law. *Publishing house Lan*. 256 p. (In Russ.)
2. Babosov, E. M. (2014) Post-nonclassical science and the poly-probability interpretation of the anthropic cosmic principle. In: *Synthesis of philosophy, science, culture. On the 80th anniversary of Academician V. S. Stepin. BSU*. Pp. 147–153. (In Russ.)

3. Berman, G. J. (1998) The Western tradition of law: the epoch of formation. *Publishing House of Moscow State University, INFRA-M-NORM*. 622 p. (In Russ.)
4. Vedeneev, Yu. A. (2022) Jurisprudence: phenomenon and concept. Introduction to the genealogy of the language of conceptual paradigms. *Prospekt*. 328 p. (In Russ.)
5. Vedeneev, Yu. A. (2014) Jurisprudence: The end or the beginning? *Lex Russica*. No. 9. Pp. 1009–1022. (In Russ.)
6. Gaidenko, P. P. (1987) The evolution of the concept of science (XVII–XVIII centuries). *Nauka*. 447 p. (In Russ.)
7. Grevtsov, Yu. I., Khokhlov, Ye. B. (2006) On legal and dogmatic chimeras in modern Russian jurisprudence. *Law studies*. No. 5. Pp. 4–22. (In Russ.)
8. Denikina, Z. D. (2010) Nonclassical and post-nonclassical philosophy of law. *Publishing House of Moscow State University*. 230 p. (In Russ.)
9. Ilyin, I. A. (2006) On the essence of legal consciousness. *AST: AST Moscow: GUARDIAN*. Pp. 180–508. (In Russ.)
10. Kerimov, D. A. (2007) The future of Russian jurisprudence. *Publishing house Academy*. Pp. 352–371. (In Russ.)
11. Kovler, A. I. (2022) Anthropology of Human Rights in The Digital Age (The Essay of The Comparative Legal Method). *Journal of Russian Law*. Right. No. 12. Pp. 5–29. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.125
12. Dorskaya, A. A., Kosovskaya, V. A., Alekseeva, N. I. (2021) Crisis phenomena in law: theory, history, ways of overcoming. *Asterion*. 580 p. (In Russ.) DOI: 10.53115/9785001881216
13. Lapaeva, V. V. (2012) Types of legal understanding: legal theory and practice. *Russian Academy of Justice*. 577 p. (In Russ.)
14. Levin, G. (2012) According to nomothetic and idiographic methods of cognition are a modern view. *Canon+, ROOI "Rehabilitation"*. Pp. 444–471. (In Russ.)
15. Mamut, L. S. (1989) Let's compare benchmarks: the science of state and law needs a radical update. *Pulse of Reforms. Lawyers and political scientists reflect*. Pp. 89–108. (In Russ.)
16. Markov, B. V. (1995) The anthropological turn in philosophy of the twentieth century. *Petropolis*. Pp. 18–29. (In Russ.)
17. Marchenko, M. N. (2016) On the legal nature and nature of the decisions of the European Court of Human Rights. *Bulletin of the Moscow University*. Episode 11. Right. No. 2. Pp. 5–22. (In Russ.)
18. Medushevsky, A. N. (2008) The crisis of law as a problem of theoretical jurisprudence. In: *Law and society in the era of change. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. Pp. 89–112. (In Russ.)
19. Melkov, Yu. A. (2014) The human dimension of post-nonclassical science. *PARAPAN*. 254 p. (In Russ.)
20. Novgorodtsev, P. I. (1909) Introduction to the philosophy of Law. The crisis of modern legal awareness. *Typo-lithography by I. N. Kushnerev and Co*. 395 p. (In Russ.)
21. Novgorodtsev, P. I. (2002) Moral idealism in the philosophy of law. *Modest Kolerov and "Three Squares"*. Pp. 505–574. (In Russ.)
22. Ogurtsov, A. P. (2011) Philosophy of science: The twentieth century: Concepts and problems. *Mir*. 336 p. (In Russ.)
23. Pavlov, V. I. (2025) The anthropological concept of law in modern fundamental jurisprudence: theoretical and methodological content and instrumental significance. *Akad. Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus*. 622 p. (In Russ.)
24. Pavlov, V. I. (2021) Anthropology of law in the context of legal, philosophical and religious traditions: a history of formation. *Yurlitinform*. 560 p. (In Russ.)
25. Polyakov, A.V. (2004) General theory of law: Problems of interpretation in the context of a communicative approach. *Publishing House of St. Petersburg State University*. 864 p. (In Russ.)
26. Chestnov, I. L. (2016) Postclassical ontology of law. *Aleteya*. 688 p. (In Russ.)
27. Razuvaev, N. V. (2015) Law: a socio-constructivist approach. *Jurisprudence*. No. 5. Pp. 48–98. (In Russ.)

28. Rostova, N. N. (2020) The anthropological turn in philosophy: Anthropology vs ontology. *Bulletin of the Tomsk State University*. No. 456. Pp. 93–98. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/456/10
29. Smirnov, S. A. (2017) The anthropological turn: its meaning and lessons. *Philosophy and Culture*. No. 2. Pp. 23–35. (In Russ.)
30. Stepin, V. S. (2000) Theoretical knowledge: structure, historical evolution. *Progress-Tradition*. 743 p. (In Russ.)
31. Syrykh, V. M. (2016) Materialistic philosophy of public law. *Yurlitinform*. 573 p. (In Russ.)
32. Tarasov, N. N. (2001) Methodological problems of legal science. *Publishing House of the University of Humanities*. 263 p. (In Russ.)
33. Timoshina, E. V. (2016) Classical and postclassical legal understanding as styles of philosophical and legal thinking. Postclassical ontology of law. *Aleteya*. Pp. 218–294. (In Russ.)
34. Tolstik, V. A. (2004) From pluralism of legal understanding to the struggle for the content of law. *State and Law*. No. 9. Pp. 13–21. (In Russ.)
35. Frolova, E. A. (2021) Methodological pluralism of legal understanding: problems of theory and philosophy of law. *Justice*. Vol. 3, No. 3. Pp. 17–32. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2021.3.17-32
36. Khabrieva, T. Ya. (2018) Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*. No. 9 (261). Pp. 5–16. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_9_1
37. Khokhlov, E. B. (2004) Legal chimeras as a problem of contemporary Russian legal science. *Jurisprudence*. No. 1 (252). Pp. 4–14. (In Russ.)
38. Chestnov, I. L. (2012) Postclassical theory of law. *Alef-Press*. 650 p. (In Russ.)
39. Chestnov, I. L. (2016) Postclassical dialogical ontology of law. *Aleteya*. Pp. 60–162. (In Russ.)
40. Chestnov, I. L. (2017) Legal science in anticipation of changes. *Jurisprudence*. No. 5 (334). Pp. 6–15. (In Russ.)
41. Chupris, O. I. (2022) Changes and Additions to The Constitution of The Republic of Belarus: Embodiment of The Distinctiveness of The Fundamental Law and Updated Statehood. *Pravo.by*. No. 2 (76). Pp. 5–13. (In Russ.)
42. Shvyryov, V. S. (2003) Rationality as a cultural value. Tradition and modernity. *Progress-Tradition*. 176 p. (In Russ.)
43. Ebzeev, B. S. (2020) Updating the Constitution of Russia: the collective image of the amendments of President V. V. Putin and the new meanings of the Basic Law. *State and Law*. No. 1. Pp. 7–24. (In Russ.)

About the author:

Vadim I. Pavlov, Leading Researcher at the Institute of Legal Studies of the National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), PhD in Law, Professor; e-mail: vadim.i.pavlov@yandex.by
ORCID: 0000-0002-2867-1039

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.